
любовь это мелодия,
которая пишется
не с первой попытки
Жажда
Rina Shuler

Rina Shuler
Жажда

https://litres.ru/74746989
SelfPub; 2026

Аннотация

Мира привыкла жить на высокой частоте. Говорить громче, чувствовать острее, спорить до последнего и делать вид, что её совсем не задевают чужие слова. Она умеет находить мелодии, но однажды сталкивается с той, которую никак не может закончить.

Игнат появляется в её жизни неожиданно. Он старше, сдержаннее и, кажется, всегда знает, что сказать. Их знакомство начинается с колкостей, споров и желания оставить за собой последнее слово. Но за взаимным раздражением постепенно проступает нечто гораздо более сильное.

Между ними возникает чувство, которому тесно в привычных границах. Иногда приходится учиться доверять, отпускать, говорить о том, о чём страшно даже думать, и принимать решения, способные изменить всё.

Это история о притяжении и расстоянии, о музыке, которая не складывается с первой попытки, и о людях, которые не всегда умеют быть рядом, даже когда очень этого хотят.

Ведь любовь, это мелодия, которая пишется не с первой попытки.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Жажда

Глава 1

Жажда

Плейлист «Жажда»

Глава первая. На высокой частоте The xx — Intro

Глава вторая. Пять утра Beyoncé — Crazy in Love

Глава третья. Море Annie Lennox — Put a Spell on You

Глава четвёртая. Жажда Depeche Mode — Enjoy the Silence

Глава пятая. Отблески Cigarettes After Sex — Nothings Gonna Hurt You Baby

Глава шестая. Осколки Daughter — Youth

Глава седьмая. Самый главный антагонист Lana Del Rey — The Blackest Day

Глава восьмая. Самый главный антагонист. Часть вторая Radiohead — All I Need

Глава девятая. Громче, чем звуки Labrinth — Still Dont Know My Name

Глава десятая. Признания Florence + The Machine — Never Let Me Go

Для общего настроения: Rhye — Open London Grammar — Strong M83 — Wait

От автора

Гении не всегда математики. Не всегда физики. Но гении точно среди нас.

В моей жизни тоже есть один. И мне очень хочется, чтобы он верил в себя так же, как верю в него я.

Пусть эта история станет для тебя напоминанием о том, что возможно всё. Даже то, чего совсем не ждёшь. Иногда жизнь сводит нас с нужными людьми самым неожиданным образом, а иногда даёт шанс, который мы уже перестали ждать.

Спасибо тебе за тебя.

R.

Глава 1. На высокой частоте

— Да что ж ты такое… — пробормотала она, откинувшись на спинку кресла.

Мира снова возвращалась к одной и той же мелодии. Несколько аккордов, короткий переход, ещё пара нот — и тишина. Она уже который день пыталась подобрать продолжение, но каждый раз останавливалась на одном и том же месте.

Мелодия получалась странной. Вроде бы простой, даже немного незаметной, но стоило убрать руки с клавиш, как она снова возвращалась в голову. Мира пробовала менять ритм, переставляла аккорды, добавляла новые звуки, но ничего не подходило. Казалось, мелодия сама знала, как долж-

на звучать, просто пока не собиралась ей подсказывать.

Она сохранила проект и закрыла его, решив пока оставить всё как есть. Возможно, завтра получится. Или через неделю. В конце концов, не каждая мелодия обязана рождаться сразу. Мира переключилась на другую запись, даже не подозревая, что к этим нескольким аккордам ей ещё не раз придётся возвращаться.

С людьми у неё обычно получалось проще.

Мира привыкла нравиться окружающим. Это было не столько осознанным стремлением, сколько естественным свойством характера: она входила в помещение так, будто приносила с собой немного больше света, чем полагалось по закону физики, улыбалась незнакомцам, шутила с охранниками, запоминала имена администраторов и умела за несколько минут превратить скучное ожидание в маленький праздник.

На сцене это работало безотказно. Стоило ей взять первую ноту, как зал начинал дышать в такт её музыке, а сотни чужих взглядов превращались в нечто почти осязаемое, тёплое, необходимое.

Мира любила это чувство. Любила аплодисменты, свет софитов, восторженные комментарии под видео и сообщения от людей, которые признавались, что её песни помогли им прожить дерьмовую неделю. Она вообще любила жизнь, особенно когда та отвечала ей взаимностью.

Проблема заключалась в том, что взаимность эта была

непостоянной.

Иногда Мира просыпалась с ощущением, что способна перевернуть мир, записывала три песни за ночь, смеялась до боли в животе над какой-нибудь бессмысленной шуткой и обещала себе, что однажды обязательно соберёт стадион. А иногда могла несколько часов смотреть в потолок, ненавидеть собственный голос, внешность, музыку и людей, которые ещё вчера казались ей самыми близкими. Она не очень любила обсуждать эти перепады.

Не потому, что считала их чем-то постыдным, а потому, что устала слышать советы вроде «просто отдохни» и «не накручивай себя». Будто она сама не пробовала.

Она пыталась оправдать себя тем, что живёт первый раз и ей всего восемнадцать. Но легче не становилось.

Впрочем, пока её песни набирали прослушивания, а псевдоним появлялся в музыкальных подборках и на афишах небольших фестивалей, никто особенно не интересовался тем, что происходило у неё в голове между выступлениями. Публике нравилась весёлая Мира: энергичная, немного безбашенная, с широкой улыбкой и привычкой разговаривать руками. Мира не возражала. В конце концов, это тоже была она. Просто не вся.

В студии звукозаписи она работала уже почти год. После одиннадцатого класса, решив дать себе право выбора, не пошла учиться в вуз. На деле — спасовала. Но сейчас понимала, что так, возможно, было даже лучше.

Она помогала с оборудованием, сортировала дорожки, делала черновые записи, иногда оставалась на ночные смены, если кто-то из звукорежиссёров не справлялся с объёмом работы. Студия давно стала её вторым домом. Здесь пахло кофе, нагретой электроникой и чужими амбициями. Здесь люди могли ненавидеть друг друга до дрожи в пальцах, а через десять минут вместе подбирать гармонию к припеву. Здесь можно было быть кем угодно, если ты умела превращать собственные чувства в звук.

Мира умела.

В тот вечер она сидела за пультом, отбивая пальцами ритм по краю стола, и спорила с Артёмом, главным звукорежиссёром, о том, почему последний дубль получился лучше предыдущего.

— Потому что я наконец перестала петь так, будто меня бросили у алтаря, — объяснила Мира, откидываясь на спинку кресла.

— Тебя никто не бросал у алтаря.

— Вот именно. А я уже столько душевных сил вложила в эту интерпретацию.

Мира закатила глаза.

— Ты невозможна.

— Зато талантлива!

— Сама себя не похвалишь…

— Кто-то должен поддерживать искусство в этом заведении.

Она рассмеялась собственным словам, запрокинув голову, и именно в этот момент открылась дверь.

Мира не сразу обернулась. Сначала услышала шаги: спокойные, без малейших попыток обозначить своё присутствие. Потом Артём внезапно замолчал на полуслове, а это уже было событием, заслуживающим внимания. Артём мог продолжать спор даже во время землетрясения.

— А, ты уже здесь, — сказал он кому-то за спиной Миры. — Проходи. Мы как раз закончили.

— Я вижу. Точнее, слышу!

Голос был низким, негромким и удивительно ровным. В нём не было ни приветствия, ни раздражения, ни даже обычной для незнакомых людей вежливости. Просто два слова, произнесённые так, будто собеседник уже успел его утомить.

Мира повернулась.

И на какую-то совершенно нелепую секунду забыла, что собиралась сказать.

Парень у двери был шатеном с густыми волосами, которые небрежно падали на лоб. В его карих глазах было что-то неприятно цепкое, внимательное, словно он замечал чужие слабости раньше, чем чужие достоинства. Возле одного глаза виднелся небольшой шрам. Тонкая светлая линия на коже, достаточно заметная, чтобы взгляд невольно задерживался на ней, но недостаточная, чтобы понять, откуда она взялась.

Про Игната она знала не понаслышке, но до этого вечера им не приходилось работать вместе. Она видела его на про-

слушивании в ту самую кафедру актёрского мастерства и вокала, куда сама не поступила. Слышала, как о нём говорят: выскочка, но талантливый, вечно занятый. В двадцать пять он уже преподавал на этой кафедре и числился одним из соорганизаторов студии, хотя появлялся здесь редко: то репетиции, то занятия, то ещё какая-то бесконечная занятость.

С Артёмом, главным звукорежиссёром, Мира, наоборот, работала постоянно. А вот с Игнатом до этого вечера не провела ни одной смены.

Мира почему-то задержалась на шраме чуть дольше, чем следовало. Потом подняла глаза.

Игнат смотрел прямо на неё.

И Миру будто ударило током. Не метафорически, не красиво, как пишут в песнях люди, которые никогда ничего подобного не испытывали. Ударило по-настоящему: коротким, резким импульсом под рёбра, от которого сердце пропустило удар, а затем сорвалось с места и понеслось так, словно пыталось первым добраться до выхода. По спине прошла горячая волна мурашек. Мира почувствовала её почти физически, от основания шеи до поясницы, под выцветшей футболкой, по коже, которая вдруг стала слишком чувствительной к воздуху.

Она моргнула.

Игнат всё ещё смотрел на неё.

Мира знала, что сама по себе не производит впечатления тихого и незаметного человека. Тёмно-русые волосы,

ярко-зелёные глаза, открытое лицо и улыбка, появлявшаяся быстрее, чем она успевала придумать повод для неё. Она привыкла к чужому вниманию и давно научилась пользоваться собственной внешностью, когда это требовалось. Обычно ей хватало пары секунд, чтобы понять, какое впечатление она производит.

Но сейчас привычная уверенность дала сбой. Взгляд Игната был неприятно внимательным. Не заинтересованным даже, а изучающим, будто Мира представляла собой загадку, которую он уже заранее считал не стоящей решения. И всё же в самой глубине этих карих глаз что-то мелькнуло. Быстро, почти незаметно. Что-то, от чего Мире захотелось выпрямиться, улыбнуться и одновременно сказать этому человеку что-нибудь такое, за что её немедленно выставили бы из студии.

Вместо этого она улыбнулась. Привычно. Легко. Чуть нагловато.

— Привет. Ты к кому?

— К Артёму.

— Тогда тебе повезло. Он сегодня почти не кусается.

Артём издал звук, подозрительно похожий на стон. Игнат даже не улыбнулся.

— А ты всегда столько говоришь?

Мира почувствовала, как улыбка на её лице становится немного шире.

— Только когда рядом интересные люди.

— Значит, тебе редко приходится молчать.

Артём кашлянул, пряча усмешку.

Мира же впервые не ответила на колкость колкостью. Не потому, что её задели слова. Она слышала разное, и явно похуже, причём от людей, чьё мнение имело для неё куда большее значение. Дело было в том, как Игнат произнёс эту фразу: без усилия, без желания понравиться, даже без особого интереса к тому, попал ли он в цель.

Он не пытался победить в словесной перепалке. Он просто исходил из того, что уже победил. И это бесило.

Чертовски бесило.

— Мира, — наконец представил их Артём, будто вспомнил о существовании элементарных правил приличия. — Игнат. Будет работать с нами над новым проектом.

— С нами? — переспросила Мира.

— Временно, — уточнил Игнат.

— А, ну тогда слава богу. А то я уже испугалась, что мне придётся терпеть тебя постоянно.

— Взаимно.

Они смотрели друг на друга, и Мира с неприятным удивлением понимала, что ей совершенно не хочется отводить взгляд. Это было похоже на глупое соревнование, в котором никто не объявлял правил, но оба каким-то образом знали: тот, кто моргнёт первым, проиграет.

Игнат отвёл глаза первым.

Мира должна была почувствовать удовлетворение. Вме-

сто этого ей захотелось схватить незнакомца за плечо, заставить снова посмотреть на себя и выяснить, что, чёрт возьми, только что произошло. Она решила, что это просто раздражение. Самое обычное раздражение от встречи с человеком, который возомнил себя центром вселенной. Ничего больше.

Эта версия продержалась примерно до следующего утра.

Игнат оказался не просто проблемой. Он оказался проблемой с большой буквы. Причём именно той разновидностью проблем, которая сначала появляется тихо, ничего не трогает, не разговаривает, а через несколько дней ты обнаруживаешь, что уже мысленно споришь с ней в душе.

Игнат работал быстро. Неприлично быстро. Он слышал ошибки в сведении с первого прослушивания, замечал едва различимые изменения тембра и мог объяснить, почему определённая нота не работает, не прибегая к расплывчатым рассуждениям о чувствах и атмосфере. Он не повышал голос, не суетился, не демонстрировал окружающим, насколько он хорош. Просто делал свою работу так, что остальные начинали замечать собственные недочёты.

Мира ненавидела его уже на третий день. На четвёртый выяснилось, что ненавидеть его можно гораздо интенсивнее.

— Ты опять изменил аранжировку? — Мира остановилась за спиной Игната, глядя на экран монитора.

— Да.

— Без меня?

— Ты спала.

— Можно было разбудить.

— Можно было и не спать посреди рабочего дня.

— Я записывалась до пяти утра!

— И всё равно спала так, будто тебя выключили из розетки.

Мира открыла рот, закрыла, снова открыла.

— Ты невыносим.

— Мне уже говорили.

— И ты ничего не сделал, чтобы исправиться?

Игнат повернулся на стуле. Вблизи его глаза казались темнее, чем Мира помнила. Или дело было в освещении. Или в том, что она опять почему-то обратила внимание на совершенно бесполезные детали: тонкую линию шрама возле глаза, тень от ресниц, едва заметное напряжение в челюсти.

— А ты всегда так остро реагируешь, когда кто-то делает твою работу лучше?

Точный выстрел. Как легко он попал. Мира медленно улыбнулась.

— Ты считаешь, что делаешь мою работу лучше?

— Я знаю, что сделал аранжировку лучше.

— Отлично. Тогда давай проверим.

Игнат чуть наклонил голову.

— Что именно? Точнее, как?

— Всё. Берём один и тот же материал. Ты делаешь свою версию, я свою. Потом отдаём на прослушивание Артёму и

остальным. Посмотрим, чья лучше.

— Зачем?

— Боишься проиграть?

— Мне не нужно доказывать тебе, что я лучше.

— Конечно. Ты ведь и так ходячее доказательство собственной гениальности.

— А ты ходячая попытка убедить всех, что тебе не нужна ничья оценка.

Улыбка исчезла с лица Миры. Игнат это заметил. Мира увидела, как его взгляд на долю секунды задержался на изменившемся выражении её лица, словно он понял, что случайно задел что-то настоящее.

Но извиняться не стал.

— Завтра, — бросила Мира. — В десять.

— Я буду.

— И не опаздывай!

— Постарайся сама проснуться.

Игнат отвернулся к монитору. Мира ушла, громко хлопнув дверью, и только в коридоре поняла, что сжимает пальцы так сильно, что ногти впились в ладони.

Её злило не то, что Игнат был талантлив. Мира могла признать чужой талант, даже восхищаться им. Её злило, что рядом с Игнатом она постоянно чувствовала себя так, будто должна что-то доказывать. Будто все её достижения, все прослушивания, концерты, бессонные ночи и песни, написанные на грани отчаяния, вдруг превратились в нечто недоста-

точное.

И ещё её злило, что стоило Игнату оказаться рядом, как Мира начинала ощущать собственное тело слишком остро. Она замечала его шаги за спиной. Узнавала голос среди десятков других. Чувствовала, когда Игнат входил в комнату, ещё до того, как поднимала голову. Иногда ловила на себе его взгляд и оборачивалась так резко, будто её окликнули.

А когда их пальцы случайно соприкасались над клавиатурой, Мира испытывала совершенно идиотское желание повторить это случайное движение. Она не собиралась разбираться с причинами.

Некоторые вещи лучше оставлять без названия. Особенно если есть подозрение, что название может изменить всё.

На следующий день Мира пришла в студию в девять сорок пять. Она не опаздывала никогда, если дело касалось чего-то важного. И совершенно не собиралась позволять Игнату думать, будто он может влиять на её привычки.

Игнат уже сидел за пультом.

— Ты рано, — заметил он.

— Ты тоже. Неужели соскучился?

— Хотел убедиться, что ты действительно придёшь.

— Переживал?

— Сомневался в твоей дисциплине.

— А я сомневаюсь в твоей способности общаться с людьми. Видишь? У нас столько общего.

Мира бросила ветровку на диван и заняла соседнее кресло. Следующие несколько часов они почти не разговаривали. Работали. Сравнивали варианты, спорили о темпе, меняли отдельные партии, возвращались к предыдущим версиям. Мира оказалась права в нескольких моментах, Игнат — в других, и каждый раз, когда один из них признавал правоту второго, это звучало так, словно он подписывал собственный приговор.

К полудню закончили.

Артём прослушал обе версии, потом ещё раз, попросил включить отдельные фрагменты и наконец откинулся на спинку кресла.

— Честно? Я бы взял основу Игната, но оставил вокальную обработку Миры. Вместе работает лучше.

— То есть ничья, — быстро сказала Мира.

— То есть вам обоим придётся научиться работать вместе.

Игнат посмотрел на неё.

— Я не против.

— Я подумаю, — отозвалась Мира.

— Не торопись. Такая честь, я подожду!

Артём рассмеялся. Мира не рассмеялась. Она встала, забрала со стола бутылку воды и направилась к выходу, прекрасно понимая, что Игнат смотрит ей вслед. Это знание раздражало почти так же сильно, как удовольствие, которое она испытывала от него.

В коридоре было прохладно. Мира сделала несколько

глотков воды и прислонилась плечом к стене, пытаясь успокоиться.

Дверь за спиной открылась.

— Ты всегда так уходишь, когда проигрываешь? — спросил Игнат.

Мира медленно повернула голову.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно.

— Я не проиграла. Артём сказал, что лучше работает сочетание наших версий.

— Ты так стараешься убедить себя, что это победа?

— А ты так стараешься убедить меня, что тебе плевать, что я думаю?

Игнат остановился в нескольких шагах от неё.

— Мне действительно плевать.

— Тогда почему ты каждый раз приходишь за мной?

На мгновение между ними повисла тишина.

Мира сама не знала, откуда взялся этот вопрос. Она не планировала его задавать. Просто слова вырвались прежде, чем она успела подумать, и теперь оставалось только смотреть на Игната, который впервые за всё время не нашёл мгновенного ответа.

И это было прекрасно.

— Я не прихожу за тобой, — наконец произнёс Игнат.

— Нет? Тогда почему ты здесь?

— Потому что ты устроила представление и ушла, не за-

кончив разговор.

— Какой разговор? Ты назвал меня неорганизованной, я назвала тебя самовлюблённым. Мы обменялись любезностями и можем расходиться.

— Ты всегда убегаешь от неудобных разговоров?

Мира коротко рассмеялась.

— Господи, ты вообще слышишь себя? Мы знакомы несколько дней, а ты уже ведёшь себя так, будто знаешь меня всю жизнь.

— Мне достаточно того, что я вижу. Я хорошо анализирую. Особенно таких, как ты, — он самодовольно улыбнулся.

— И что же ты видишь?

Игнат посмотрел ей прямо в глаза.

— Человека, которому постоянно нужно, чтобы на него смотрели. Внимание. Всё внимание вокруг.

Слова ударили сильнее, чем Мира ожидала. Она почувствовала, как внутри что-то резко сжалось. На секунду захотелось отшутиться, улыбнуться, сказать что-нибудь лёгкое и безобидное, превратить неприятный разговор в очередную словесную дуэль. Она почти сделала это. Но взгляд Игната не оставлял пространства для привычной игры.

— А я вижу человека, который делает всё возможное, чтобы никто не подошёл к нему слишком близко, — ответила Мира.

Игнат перестал улыбаться. Хотя Мира не была уверена, что когда-нибудь вообще видела, как он улыбается по-насто-

ящему.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Взаимно.

— Тогда не лезь туда, куда тебя не звали.

— Так перестань постоянно меня туда затаскивать!

Последние слова прозвучали громче, чем Мира рассчитывала. Она сама услышала в собственном голосе что-то лишнее: не только злость, но и ту напряжённую, почти болезненную ноту, которую пыталась заглушить с первой встречи.

Игнат сделал шаг вперёд. Мира не отступила. Теперь между ними оставалось совсем немного места. Достаточно, чтобы различить мельчайшие изменения в выражении лица друг друга. Достаточно, чтобы Мира заметила, как Игнат сжал челюсть, как на мгновение опустил взгляд к её губам и тут же вернул его обратно.

Вот оно.

Мира не могла бы объяснить, почему эта короткая деталь вдруг оказалась важнее всего, что они говорили последние несколько минут. Но она заметила. И Игнат, судя по тому, как изменилось его лицо, понял, что был замечен.

Воздух между ними словно стал плотнее. Мира слышала гул вентиляции, далёкие звуки из студии, собственное дыхание. Сердце снова принялось колотиться с такой силой, что она почти физически ощущала каждый удар. По коже пробежали мурашки, и на этот раз она не стала убеждать себя, что это от холода.

Игнат смотрел на неё так, будто ненавидел. Или хотел, чтобы она так думала.

— Что? — тихо спросила Мира.

— Ничего.

— Ты смотришь на меня так, словно хочешь меня убить.

— Не льсти себе, Мира.

— Тогда перестань себя так вести!

— Заставь меня, — Игнат прикусил губу и усмехнулся.

Мира замерла.

Это было уже не похоже на спор. Слишком мало оставалось в нём слов, слишком много того, что они оба отчаянно пытались скрыть. Мира вдруг поняла, что может отступить. Просто сделать шаг назад, усмехнуться, назвать его психом и вернуться в студию. Всё закончится, если она сама захочет.

Но ей не хотелось, чтобы это заканчивалось.

Ей хотелось понять, что скрывается за ледяным спокойствием Игната. Хотелось увидеть, как он потеряет контроль хотя бы на секунду. Хотелось стереть с его лица это вечное превосходство и узнать, что произойдёт, если между ними наконец перестанет стоять вся эта бесконечная, утомительная вражда.

— Ты меня терпеть не можешь, — произнесла Мира.

— Ты слишком много о себе думаешь.

— А ты слишком часто говоришь обо мне для человека, которому якобы всё равно.

Игнат резко выдохнул и толкнул её ладонью в плечо. Не

настолько сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы это перестало быть случайностью.

Мира отступила на полшага. Несколько секунд она молча смотрела сначала на его руку, потом ему в лицо. Улыбка, появившаяся на её губах, не имела ничего общего с весельем.

— Вот теперь интереснее.

Игнат, кажется, собирался ответить, но не успел. Мира перехватила его за запястье, резко развернула и поменяла их местами. Этому её научила компания хоккеистов, с которой она когда-то связалась.

Теперь Игнат оказался перед ней, а за его спиной была стена. Мира не наваливалась на него всем телом и не сжимала запястье сильнее необходимого. Она просто удерживала его руку, не позволяя ему тут же вернуть себе прежнюю дистанцию.

Между ними оставалось несколько сантиметров, но этого оказалось достаточно, чтобы оба замолчали.

Игнат поднял голову.

Впервые за всё время в его глазах не было ни презрения, ни насмешки. Только напряжение, острое и почти болезненное, от которого у Миры снова перехватило дыхание.

Она чувствовала тепло Игната даже сквозь разделявший их воздух. Слишком близко, чтобы притворяться, будто это всё ещё обычная ссора, и слишком далеко, чтобы можно было спрятаться за случайным прикосновением. Мира видела, как под кожей на шее Игната едва заметно пульсирует жилка,

и от этого простого движения её собственное дыхание сбилось ещё сильнее.

Игнат не пытался вырваться. Но Мира не принимала его неподвижность за разрешение. Она ослабила пальцы, оставляя ему возможность освободить руку, если он этого захочет.

Он не воспо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.